

«Рим горит, а христиане виноваты»¹: жизнь и судьба трезвенника Ивана Колоскова

Статья посвящена Ивану Николаевичу Колоскову (1876–1932), одному из основателей и лидеров трезвеннического движения в России. Главным источником для написания статьи послужили материалы следственных дел трезвенников, в первую очередь их «письма во власть» 1920-х годов. Биография И. Н. Колоскова вписана здесь в широкий исторический контекст, в первую очередь речь идет об антирелигиозной политике большевиков в отношении так называемых «сектантов». Также в статье рассматриваются религиозный пацифизм, вегетарианство и хозяйственная деятельность трезвенников, их неконформизм во взаимоотношениях со властью.

Ключевые слова: Иван Колосков, трезвенники, Российская империя, Советский Союз, ОГПУ, неконформизм, репрессии

Александр Солженицын в первом томе «Архипелага ГУЛАГа», рассуждая о девальвации в 1930-е годы такого способа политической борьбы заключенных за свои права как голодовка, мельком упомянул некоего «сектанта Колоскова»: «А в общем победа — ничтожная, слишком дорого оплачена ... чтобы добиться выдачи посылки или смены товарищей по прогулке, голодали по 20 дней. Стоило ли того? Ведь в Тюрьме Нового Типа утраченных сил не восстановишь. Сектант Колосков так вот голодал — и на 25-е сутки умер»². Мало кто из читателей Солженицына догадывался тогда и знает сейчас, что в 1932 г. в Ярославском политизоляторе умер, протестуя голодовкой против запрета переписки и свиданий с родными, настоящий русский самородок, один из основателей трезвеннического движения в России, почетный председатель коммуны и кооператива «Трезвая жизнь» Иван Николаевич Колосков (октябрь 1876–1932).

Настоящий биографический очерк основывается преимущественно на материалах архивно-следственного дела И. Н. Колоскова³, а также архивно-следственного дела девяти трезвенников⁴. Дела хранятся в Центральном архиве ФСБ. За любезно предоставленные фотокопии дел автор благодарит А. В. Синичкина, бывшего архивариуса Российского союза евангельских христиан-баптистов, приложившего в свое время максимум усилий, чтобы получить доступ к этим документам. Кроме того, существенный вклад в источниковую базу публикации внесли протоколы Комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) – Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) (1922–1929), неоднократно рассматривавшей на своих заседаниях вопросы, связанные с последователями Колоскова – «трезвенниками-колосковцами».

О дореволюционном периоде жизни И. Н. Колоскова известно не так уж и много. Он родился в октябре 1876 г. в крестьянской семье в деревне Пронино Варфоломеевской во-

* Савин Андрей Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: a_savin_2004@mail.ru

¹ Так называлась декларация о преследовании религии и верующих в СССР, поданная трезвенниками во главе с И.Н. Колосковым во ВЦИК 15 января 1929 г. Документ хранится в Центральном архиве ФСБ (ЦА ФСБ) в архивно-следственном деле Д. Р-32621 по обвинению И. М. Чудаева, В. Н. Свиричева, Н. В. Александрова, Е. Д. Соколовой, Е. А. Колосковой, Е. М. Харитоновой, Ф. С. Кузнецовой, Е. Д. Федотовой и З. Я. Бельмер в качестве приложения. Отпечатан на кальке, объем – 39 листов, а также два листа без нумерации, на которых приведены содержание и список адресатов. Ниже при цитировании этой декларации указывается ее название и номер листа документа.

² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. (Любое издание). Гл. 12 «Тюрзак».

³ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ), Д. Р-44885 по обвинению И. Н. Колоскова и М. Я. Захаровой.

⁴ Там же. Д. Р-32621 по обвинению И. М. Чудаева, В. Н. Свиричева, Н. В. Александрова, Е. Д. Соколовой, Е. А. Колосковой, Е. М. Харитоновой, Ф. С. Кузнецовой, Е. Д. Федотовой и З. Я. Бельмер.

лости Алексинского уезда Тульской губернии. Систематического образования не получил, самоучка. Во всех анкетах и протоколах допросов Колосков указывал, что до 1907 г. он был ремесленником – чеканщиком церковной утвари. Примерно на рубеже веков Колосков женился на Екатерине Андриановне Колосковой (1879 г.р.), в будущем своей верной последовательнице. Около 1899 г. родился их первый сын, потом в течение пяти лет родились еще двое сыновей, все они впоследствии приобрели самую что ни на есть пролетарскую профессию типографского рабочего.

Московская община трезвенников. 1920-е годы.
И. Н. Колосков – в левом верхнем углу снимка (держит раскрытую книгу).

В 1907 г., как рассказывал сам Колосков, он организовал и возглавил в Москве общину народных трезвенников. Колосков почему-то не упоминал ни в своих декларациях, ни в показаниях, данных на следствии, имени «братца Иоанна» – Ивана Алексеевича Чурикова (1861–1933), православного мирянина и основателя движения народных трезвенников в Санкт-Петербурге в конце XIX в. Чуриков оказал серьезное влияние на Колоскова. Деятельность «братца Иоанна» среди городской бедноты, в первую очередь его проповеди о вреде алкоголя и пользе вегетарианства, была широко известна в дореволюционной России⁵. В 1911 г. в свет вышел сборник его нравоучительных бесед, у Чурикова были тысячи последователей. Возможно, нежелание Колоскова называть «братца Иоанна» в числе своих духовных учителей и наставников было связано с тем, что Чуриков так и не порвал с РПЦ, несмотря на гонения на трезвенников и на него лично со стороны церковных и светских властей Российской империи.

Проповедь трезвенничества, духовного возрождения морально павших людей и нравственного самоусовершенствования как единственного средства улучшить свою жизнь обеспечила вскоре Колоскову в Москве тысячи, если не десятки тысяч, последователей. В 1908 г. Колоскова в административном порядке выслали из Москвы, но ненадолго. 4 января 1909 г. московский градоначальник официально объявил о разрешении бесед трезвенников. Поддержка со стороны светских властей была обеспечена благодаря позиции П. А. Столыпина, признававшего деятельность «братцев» крайне полезной, а также

⁵ См.: Апостол трезвости: Иоанн Алексеевич Чуриков / Сост. Комков М. П., Плотникова В. В. СПб, 2014.

депутата третьей Государственной думы П. В. Каменского⁶. Церковные власти Москвы крайне отрицательно относились к деятельности «колосковцев» как к сектантской и приложили максимум усилий, чтобы доказать ложность позиции, занятой властью светской. В конце 1909 г. в «Московских Церковных Ведомостях» и черносотенной газете «Вече» была опубликована статья о трезвенниках за подписью «Православного Москвича», прямо обвинявшая колосковцев в хлыстовстве. Вслед за официальным органом московской епархии это же обвинение стало звучать с церковных кафедр, а соответствующий доклад был направлен Св. Синоду. 7 марта 1910 г. в трех московских храмах была торжественно провозглашена анафема, последовало отлучение от церкви Колоскова и его единомышленника, колпинского мещанина Дмитрия Григорьева⁷.

После отлучения последователи Колоскова, по его словам, «приспосабливались, создавали артели и другие организации». Но одним отлучением от церкви дело не ограничилось, духовные власти предприняли попытку доказать наличие в действиях трезвенников уголовно-наказуемых деяний, в частности «явно безнравственных действий», караемых по ст. 96 Уголовного уложения Российской империи. Позднее, в 1921 г., Колосков писал в своем открытом письме следователю ВЧК И. А. Шпицбергу, сравнивая методы работы царской и советской тайных полиций: «Тогда господствующая церковь подслала к нам, трезвенникам, своего шпиона, слушателя миссионерских курсов, который наклеветал на нас и показал, что он будто бы присутствовал при нашем радении и свальном грехе. Я тогда вместе с шестью единомышленниками был заключен в тюрьму и только через 15 месяцев, когда следствие установило факт ложного доноса, все мы были освобождены»⁸. В тюрьму в конце 1911 г. вместе с Колосковым были заключены Д. Григорьев, Г. Михалев и четыре девушки. Дело трезвенников рассматривалось на процессе во Владимирском окружном суде, состоявшемся в начале 1913 г., а также Московской судебной палатой⁹. Колосков позднее писал об этом так: «Господа Саблеры, Победоносцевы не боролись с нами открыто и честно, как с сектантами, а всегда применяли провокационные приемы: они подсылали к нам своих чиновников, которые создавали против нас дутые обвинения в несовершенных нами уголовных преступлениях и преследовали нас по суду за них, а не за то, что мы сектанты. А на суде не было никакого доверия ни к нашим показаниям, ни показаниям наших свидетелей. С нами, сектантами, вообще совершенно не считались и смотрели на нас, как на какое-то вредное растение, какую-то заразу, которая может быть и должна быть уничтожена всеми средствами, какими только располагает государственная власть»¹⁰.

Лишь благодаря тому, что колосковцев судил суд присяжных, в составе которых оказались в том числе последователи учения Л. Н. Толстого, обвинение в совершении уголовного преступления в конечном итоге было снято. Тогда же произошло судьбоносное знакомство колосковцев с В. Д. Бонч-Бруевичем. 1 марта 1913 г. будущий управделами

⁶ Громогласов И. М. Московские трезвенники. Речь, произнесенная в Москве 6 мая в Политехническом музее в открытом собрании Союза 17 октября. М., 1913. С. 7. Отрывок из выступления П.В. Каменского в защиту трезвенников см.: Путинцев Ф. М. Политическая роль и тактика сект. М., 1935. С. 60.

⁷ Громогласов И. М. Московские трезвенники... С. 17; Зарембо Н.Г. Духовные власти Санкт-Петербурга и народное трезвенническое движение чуриковцев (1907–1914 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 126. СПб., 2010. С. 31–32 (Всю подготовительную работу по шельмованию московских трезвенников и отлучению их от церкви провел известный православный миссионер И. Г. Айвазов).

⁸ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 31–32. Интересно, что Малая советская энциклопедия выпуска 1930 г. характеризовала трезвенников как «одно из разветвлений умеренного хлыстовства», тем самым фактически воспроизведя ложные обвинения церковных властей Российской империи. См.: Малая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 8. Ст. 916.

⁹ Исследователь истории пятидесятничества в России В.И. Франчук ошибочно писал о судебном процессе над Колосковым и Григорьевым, проходившем якобы в 1904–1905 гг. во Владимире. См.: Франчук В. И. Просила Россия дождя у господ. Киев, 2002. Т. 2. С. 207.

¹⁰ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 6.

СНК РСФСР, близкий соратник В. И. Ленина и знаток русского сектантства писал историку и лингвисту А. А. Шахматову о том, что находится во Владимире в суде «в качестве эксперта по делу московских трезвенников»¹¹. Знакомство с толстовцами и воздействие толстовского учения на трезвенников трудно переоценить. С момента отлучения и уголовного преследования колосковцы все дальше дрейфовали в сторону от официального православия. Колосков на допросе от 3 января 1930 г. представил канву событий так: «Затем [после отлучения от церкви. – А. С.] в 1912 г. примкнули к учению Толстого Л. Н., но года через 4–5 мы разошлись по вопросу о Христе, так как толстовцы Христа как Спасителя Мира, сына Божия, не признают»¹². Тем не менее, несмотря на формальный разрыв, трезвенники навсегда усвоили от толстовцев вегетарианство и религиозный пацифизм.

Следующей «остановкой» трезвенников-колосковцев на пути поиска своей идентичности в бурные годы Первой мировой войны и революций стал Всероссийский союз евангельских христиан во главе с И. С. Прохановым. В январе 1922 г. Колосков вместе со 106 своими последователями принял водное крещение в Московской общине евангельских христиан и был рукоположен в пресвитеры. В октябре 1922 г. колосковцы официально вошли в Союз евангельских христиан на автономных правах¹³. Но после того, как Проханов под давлением ареста подписал в августе 1923 г. воззвание о признании верующими пацифистами военной службы в Красной Армии с оружием в руках¹⁴, колосковцы порвали также и с прохановцами, выделившись в самостоятельную общину. Колосков рассказывал об этом так: «Оставаясь в основном евангельскими христианами, мы не признаем для себя обязанности служить в рядах Красной Армии, в тоже время проповедовали свое основное убеждение – трезвость. Кроме того, наша община восприняла от христиан евангельской веры крещение духом, что мы проводим, т. е. признаем. И евангельские христиане, и баптисты это отрицают. Мы отрицательно относимся вообще к войне и военной службе. Мы являемся антимилитаристами»¹⁵.

Трезвенники в целом позитивно восприняли приход большевиков к власти. Первые несколько лет между ними и большевиками существовал даже определенный альянс. В литературе есть сведения о личной встрече Колоскова с Лениным и Троцким, состоявшейся 16 ноября 1917 года¹⁶. Этот альянс возник во многом как результат утопических представлений о «сектантах-коммунистах» ряда большевистских лидеров во главе с В. Д. Бонч-Бруевичем, которого активно поддерживал В. И. Ленин. В рамках своих теоретических дореволюционных построений они рассматривали «сектантство» как форму социального недовольства и эскапистского протеста крестьянства против царизма. Гонения со стороны православной церкви также делали «сектантов» союзниками в их глазах. Привлекала советских лидеров и «общественно-коммунистическая» сторона «сектантских» вероучений, наличие в них идей социального и экономического равенства. Именно «сектанты – коммунисты», этот якобы многомиллионный «народ внутри народа», должны были послужить для большевиков доказательством того, что извечная народническая мечта о коммунистическом характере русского крестьянства имела под собой реальные основания. Таким образом возник миф о «сектантах – коммунистах» как о верных сторонниках советской власти, который получил в начале 1920-х годов большое распространение¹⁷. Одним из важнейших следствий этого мифа стал

¹¹ Франчук В. И. Просила Россия дождя у господ... С. 207–208.

¹² ЦА ФСБ, Д. Р-44885. Л. 43.

¹³ Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатова А. Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). СПб., 2003. С. 244.

¹⁴ См. подробнее: Савин А. И. «Разделяй и властвуй». Религиозная политика советского государства и евангельские церкви в 1920-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008, № 15 (75). С. 3–23.

¹⁵ ЦА ФСБ, Д. Р-44885. Л. 43. Протокол допроса от 3 января 1930 г.

¹⁶ Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатова А. Г. Судьбы... С. 243.

¹⁷ См. Müller, Eberhard: Opportunismus oder Utopie? V. D. Bonc-Bruevitsch und die russischen Sekten vor und nach der Revolution. In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 35 (1987), S. 509–533; Эткин А. Русские секты и совет-

подписанный В. И. Лениным декрет от 4 января 1919 г., который предоставлял «сектантам» привилегию освобождения от военной службы.

В свою очередь трудовая община-коммуна московских народных трезвенников «Трезвая жизнь», официально зарегистрированная 19 апреля 1918 г., позиционировала себя как «одну из первых общественных народных организаций, безоговорочно признавших советскую власть»¹⁸. Быстро усвоив нарратив большевиков, трезвенники утверждали, что стремились к «братской трудовой коммунистической жизни еще при царском режиме». Члены общины работали, «не покладая рук, в тех областях общегосударственного строительства, участие и работа в которых не противоречила их совести и религиозным убеждениям: в деле народного образования, в продовольственных органах, в области здравоохранения»¹⁹. Уже в 1918 г. трезвенниками было организовано несколько земледельческих колоний, открыты вегетарианские столовые в Москве, Твери, Тамбове и других городах, устроены «трезвеннические» больницы, типографии, издательство, школы детские дома, в которых воспитывалось около 400 детей. 15 февраля 1919 г. трезвенники выступили с воззванием «К союзникам и ко всем идущим войной на Россию», в котором защищали завоевания новой власти. Обращение передавалось по радио и получило широкий резонанс²⁰.

Со своей стороны, «отец сектантской утопии» В. Д. Бонч-Бруевич делал все, чтобы укрепить альянс. Управление делами СНК РСФСР 1 августа 1918 г. выдало общине-коммуне удостоверение, в котором отмечалась «плодотворная и полезная деятельность» трезвенников и всем представителям власти на местах предлагалось «бережно относиться к этой общине – коммуне и отнюдь не преследовать, а помогать ее развитию как рассаднику дорогого нам коммунизма»²¹. 8 марта 1919 г. В. Д. Бонч-Бруевич оформил очередной документ, адресованный народному комиссару государственного контроля К. И. Ландеру, в котором отмечал, что «организации трезвенников общепользны для нашей советской социалистической республики», в частности трезвенники активно работали в кооперативе «Коммунист» при управлении делами СНК РСФСР, а также сделали «большую закупку ненормированных продуктов (180 вагонов)»²². 24 апреля 1920 г. московская община трезвенников получила удостоверение Президиума Моссовета за подписью Л. Б. Каменева, в котором было написано следующее: «Сим удостоверяется, что московская трудовая община-коммуна "Трезвая жизнь", состоящая из тружеников – рабочих, крестьян и ремесленников и заключающая в себе такие общественно полезные учреждения как вегетарианские столовые, мастерские, общежития, ... склады, огороды, сады, больница, прачечная, типографии, книгоиздательство, библиотека, книжные склады, школа, детские колонии и земледельческие поселения в Московской, Тверской и Тамбовской губерниях, пользуется нашим покровительством, и поэтому Президиум Московского Совета Р. и К. Д. предписывает органам Московского Совета Р. и К. Д. не допускать по отношению к этой коммуне и ее учреждениям никаких мер иначе, как по предварительному соглашению с президиумом»²³. Аналогичные положительные отзывы трезвенники получили в 1920 г. от Тамбовского губернского земельного отдела и Коломенского уездного земельного управления.

Однако полюбовные отношения трезвенников с большевиками продлились недолго. Лояльное отношение к «сектам» никогда не было единственной доминирующей линией в большевистской политике. Значительная часть членов партии и органы политической полиции априори бескомпромиссно выступали против «сект». Резко негативно по отношению к неортодоксальным конфессиям было настроено большинство членов секретной партийно-чекистской

ский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее. Исторический альманах. М.-СПб, 1996, Т. 19, С. 275–319; Он же: Хлыст. Секты, литература и революция. М, 1998.

¹⁸ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 24–26.

²¹ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 2–3.

²² Там же. Л. 23.

²³ Там же.

комиссии при ЦК РКП(б) – ВКП(б), отвечавшей в 1922–1929 гг. за выработку и осуществление «церковной» политики советского государства. Четкой разделительной линией здесь стал религиозный пацифизм, проповедуемый трезвенниками. «Исповедуя учение Иисуса Христа о братстве всех людей», трезвенники еще в ходе Первой мировой войны отказывались от службы в императорской армии. Казалось бы, декрет СНК РСФСР от 4 января 1919 г., провозглашавший освобождение от военной службы по религиозным убеждениям, отвечал всем чаяниям религиозных пацифистов, однако уже «в период гражданской войны бывали случаи притеснений сектантских общин и жесткой расправы с отдельными лицами за отказ от военной службы по религиозным убеждениям (вплоть до расстрела)»²⁴. Тем не менее, трезвенники «объясняли себе все это условиями переживаемого момента и полагали, что установлением мирного уклада жизни все это минует». Но с течением времени ситуация для религиозных пацифистов только ухудшалась: большевики предприняли в 1920-е годы максимум усилий, чтобы добиться от верующих «добровольного» признания военной службы с оружием в руках. В свою очередь вопрос о «добровольном» признании военной службы был использован в качестве яблока раздора для раскола изнутри неортодоксального христианства²⁵.

Первая провокация против трезвенников была предпринята чекистами в марте 1920 г. Сотрудник ВЧК Христофор Климентов был «внедрен» в общину под видом религиозного человека, отказывавшегося по своим убеждениям от военной службы. После получения удостоверения об освобождении он был отправлен Колосковым воспитателем в детскую колонию трезвенников в Тверскую губернию. 15 мая 1920 г. агенты ВЧК арестовали четверых человек (заведующего колонией, инструктора по сельскому хозяйству, одного из воспитанников и женщину – члена общины), новым заведующим был назначен никто иной как Климентов. В результате колония была разгромлена, живой и мертвый инвентарь разбазарен, на квартире И. Н. Колоскова произведены обыски²⁶. Инициатором провокации трезвенники не без оснований считали сотрудника СО ВЧК Ивана Анатольевича Шпицберга²⁷, фактического предшественника известного деятеля ЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД Евгения Александровича Тучкова²⁸ на посту «главного специалиста» органов тайной полиции по борьбе с религиозными организациями.

Следующим, более сильным, хотя и косвенным, ударом по трезвенникам стал судебный процесс над тремя руководителями Объединенного Совета религиозных общин и групп (ОСРОГ)²⁹, организованный ВЧК во исполнение постановления Оргбюро ЦК РКП(б). 3 марта 1921 г. Н. Н. Крестинский, Л. П. Серебряков, И. В. Сталин, М. П. Томский и другие члены Оргбюро санкционировали проведение суда «против ОСРОиГ в лицех тов[арища] председателя его Шохор-Троцкого и др[угих] за злоупотребления при выдаче

²⁴ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 4.

²⁵ Савин А. И. Разделяй и властвуй... С. 3–23.

²⁶ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 6–7.

²⁷ С января 1921 г. И. А. Шпицберг возглавлял 7-е отделение СО ВЧК, задачей которого была «работа против разных партий». См.: Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 17.

²⁸ Тучков Евгений Александрович (1892–1957), на службе в ЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД с 1918 г., с 1922 г. по 1929 г. – начальник 6-го отделения СО ГПУ–ОГПУ, к компетенции которого относилась борьба с религиозными организациями в СССР. С октября 1922 г. по ноябрь 1929 г. – секретарь Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) (Антирелигиозная комиссия). В 1930 г. – помощник начальника СО ОГПУ, в марте 1931 г. назначен помощником начальника Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ, сохранив за собой пост начальника 3-го (церковного) отделения СПО. До марта 1932 г. – член Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ВЦИК. С сентября 1932 г. непродолжительное время – заместитель Полномочного Представителя ОГПУ по Уралу. В середине 1930-х годов – на работе в аппарате Особуполномоченного НКВД СССР, на октябрь 1939 г. – зам. Особуполномоченного НКВД СССР. 10 октября 1939 г. уволен из НКВД со снятием с учета в звании майора ГБ (9.12.1935). Дважды награждался знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ».

²⁹ Колосков входил непосредственно в состав руководства ОСРОГ. См., например: Марцинковский В. Записки верующего. Новосибирск, 1994. С. 87.

удостоверений, освобождающих от военной службы»³⁰. Оргбюро также одобрило решение ВЧК о придании широкого политического характера судебному разбирательству. 11 марта 1921 г. всем губчека было направлен циркуляр ВЧК о выемке документов ОСРОГ за подписью Ф. Э. Держинского. Как отмечалось в тексте, «циркуляр имеет целью борьбу с обществами, под флагом религии открыто ведущими агитацию, способствующую разложению Красной Армии, против исполнения продовольственных разверсток и трудовых повинностей»³¹. Суд над деятелями ОСРОГ был оперативно организован и проведен в марте 1921 года³². Колосков писал позднее с горечью: «Тогда же всем стало ясно, что в сущности судят не трех членов Объединенного совета, а все сектантство»³³. Шпицберг был позднее по настоянию Ленина исключен из партии и уволен из ВЧК, очевидно свою роль здесь сыграло также открытое письмо Колоскова «следователю ВЧК Шпицбергу [...] как лицу, непосредственно ведущему борьбу с русским сектантством». Копии письма были также отправлены Ленину, Калинину и Ярославскому в 1921 г. «Но увы – писал Колосков – на смену Шпицберга первого явились многие другие “шпицберги”, которые и продолжали “помогать” общине трезвенников в духе Шпицберга 1-го»³⁴.

В 1923 г. «колосковцы» впервые попали непосредственно в поле зрения Комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП(б). 31 октября 1923 г. Комиссия заслушала первым пунктом повестки сообщение «О запросе прокурора Республики о мнении комиссии по вопросу об отобрании помещения у колосковцев, предназначенного для их молитвенных собраний», и приняла решение, «оставить помещение за колосковцами»³⁵. Речь шла о доме (общежитии-коммуне) общины по ул. Малая Бронная, приобретенном трезвенниками в собственность еще в 1915 г. Дом в сентябре 1923 г. решением губернского суда был передан в распоряжение завода ДУКС. Борьба за дом шла два года, трезвенников активно поддерживал П. Г. Смидович, еще один старый большевик и член Антирелигиозной комиссии. Возможно, либеральное решение Комиссии было продиктовано именно под его влиянием, но в итоге дом все же отобрали. Трезвенники видели здесь только один мотив – «надо было уничтожить молитвенный дом сектантов, этот рассадник суеверий и темноты»³⁶. Когда в ноябре 1925 г. вновь возник вопрос об отобрании у трезвенников очередного помещения, члены Антирелигиозной комиссии высказались уже более радикально, хотя и здесь попытались сделать хорошую мину при плохой игре. 11 ноября 1925 г. Комиссия приняла решение передать решение вопроса «Об отобрании помещения от обва “Трезвая жизнь”» по адресу Петровка, дом № 10, на усмотрение Президиума Моссовета. Но поскольку отобранное здание предполагалось передать редакции журнала «Безбожник у станка», Комиссия во избежание лишней критики высказалась против передачи помещения именно антирелигиозному журналу³⁷.

Постепенное вытеснение трезвенников шло не только в Москве, но и в провинции. В 1924 г. у колонии трезвенников близ деревни Борзцево Коломенского уезда Московской губернии за якобы не сдачу сельхозналога был конфискован весь скот – 18 голов коров, семь лошадей и 40 овец, а также фураж. Когда действия местных властей были признаны СНК РСФСР незаконными, Коломенское уездное земельное управление тем не менее саботировало выполнение постановления вышестоящей власти и не вернуло скот и фураж.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 132. Л. 5. Протокол заседания Оргбюро ЦК РКП(б) № 101, п. 34.

³¹ Ф. Э. Держинский – председатель ВЧК – ОГПУ 1917–1926 / Сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. С. 266–267.

³² Павлова Т. А. Исторические судьбы российского пацифизма // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 34.

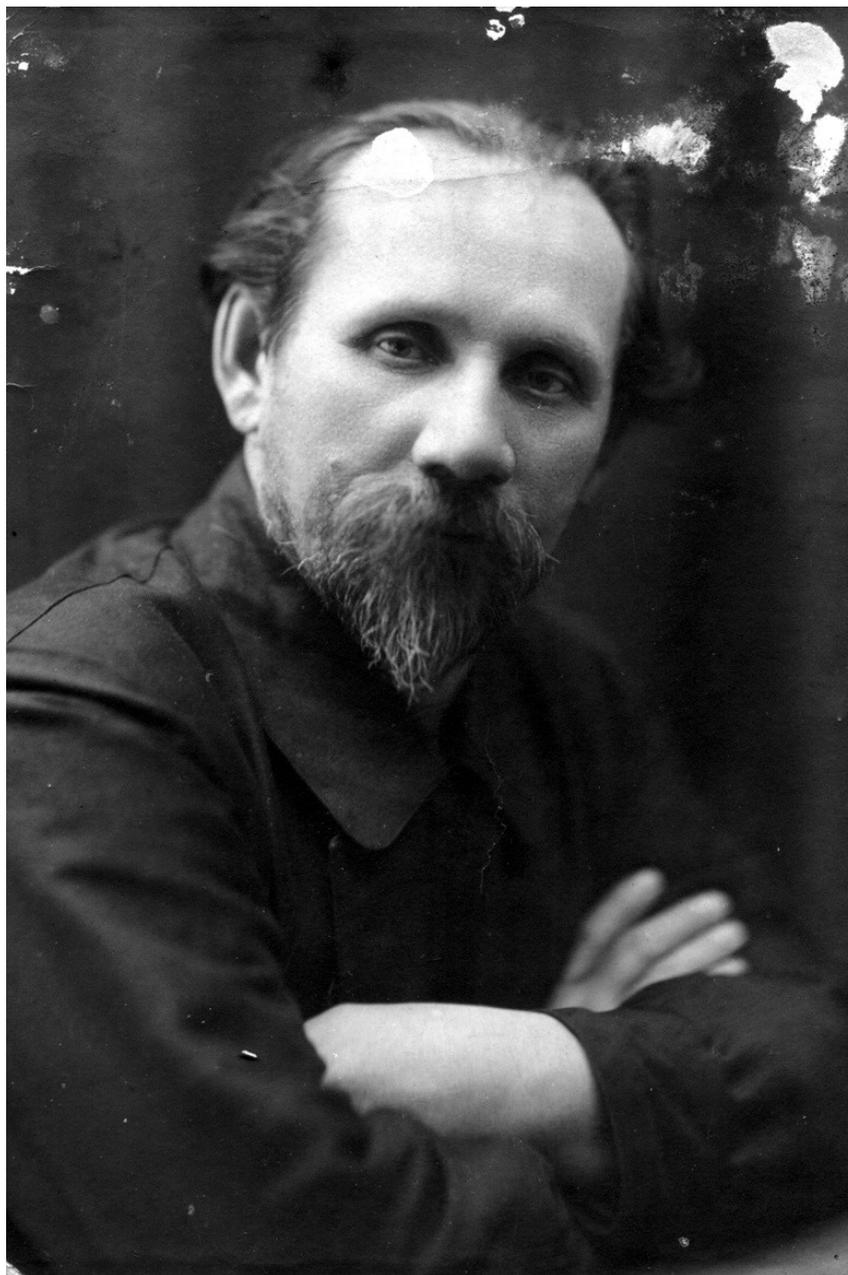
³³ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 30.

³⁴ Там же. Л. 7.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 36. Протокол № 37.

³⁶ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 8.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 41. Протокол № 66 Б.

И. Н. Колосков. Январь 1929 г.

В 1925 г. на московскую общину колосковцев обрушилась новая напасть, как писал Колосков, «гнусное и нелепое дело». Душевнобольная женщина, некая Потапова, являлась на молитвенные собрания, устраивала скандалы и дебоши, избивала лиц, пытавшихся выпроводить ее из квартиры. Трезвенники не без основания считали Потапову «слепым орудием в руках органов советской власти для преследования общины»: милиция, которую вызывали верующие, составляла протоколы, «в которых изображалось все дело так, что ... сами пострадавшие трезвенники буйнили и били бедную беззащитную Потапову»³⁸. Трезвенникам пришлось пережить несколько судов, когда же Потапову наконец поместили в психиатрическую лечебницу, в столичной прессе была развязана целенаправленная кампания травли И. Н. Колоскова и лидера толстовцев В. Г. Черткова. Все газетные заметки содержали угрозы, «что-то раскрыть, что-то обнаружить и разоблачить». Под влиянием газетной кампании Потапову выпустили из лечебницы, и она продолжила свой крестовый поход против трезвенников, на этот раз при поддержке «Бюро расследований

³⁸ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 9.

при газете «Правда» и сотрудника Бюро некоего Зорина. Судебные разбирательства грозили затянуться до бесконечности, если бы Потапова лично не явилась в кабинет одного из прокуроров Верховного Суда СССР и не стала обвинять его в продажности и получении взятки от трезвенников. После этого Потапову в 1927 г. вновь поместили в Преображенскую психическую больницу, а Верховный Суд РСФСР прекратил дело в отношении трезвенников.

«Потаповское дело» сорвалось, как писал Колосков, потому что был подобран «совершенно гнилой материал». Но дальнейшие события приняли для трезвенников еще более худший оборот. Совершенно секретное постановление ЦК ВКП(б) «О сектантстве» от 7 апреля 1927 г. наложило фактическое вето на право освобождения от военной службы с оружием в руках. Кроме того, постановление запрещало функционирование «сектантских кооперативов», действующие кооперативные организации верующих предписывалось включить в общекооперативную сеть, полностью подконтрольную государству³⁹. В результате объектом нападок стал кооператив «Трезвая жизнь». Новая газетная кампания была развязана на этот раз в 1927–1928 гг. на страницах журнала «Безбожник», где появилась статья «Липовая кооперация». Автором статьи выступал некто Сакро, бывший директор кооператива «Трезвая жизнь», уволенный за несоответствие занимаемой должности и растрату в вегетарианской столовой на Арбате. К расследованию «сигнала» тут же подключилась РКИ, «было устроено общее собрание, на котором представителями М[осковский] РКИ и другими представителями контроля вся трезвенническая организация была ошельмована как лжекооперация, о чем и было вынесено соответствующее постановление, а также и постановление о реорганизации кооператива трезвенников»⁴⁰. В результате реорганизации на место ответственных работников, выбранных в свое время из числа трезвенников, были назначены «новые люди, люди партийные, честные», но вскоре, как с сарказмом отмечал Колосков, оказалось, что «и среди этих высоко и особо честных людей имеются люди нечестные», в течение первого года проворовались сразу шесть новых управленцев. «Во всей этой истории, – говорилось в обращении трезвенников во ВЦИК – совершенно не были учтены те труды, которые были положены нами на организацию сети хорошо оборудованных, гигиенически организованных вегетарианских столовых, доставлявших полезное питание городскому населению. Наше общинное имущество мановением пера было отнято и у нас и передано в чужие руки. Мы еще раз пострадали только за то, что являемся людьми религиозными»⁴¹.

То, что кампания оздоровления «лжекооператива» дирижировалась с самого верху, свидетельствует протокол заседания Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) от 21 мая 1927 г. В этот день комиссия заслушала первым пунктом повестки сообщение Е. А. Тучкова «О сектантах-трезвенниках (Колосков и др.)». На заседании присутствовали Ем. Ярославский, К. А. Попов, П. Г. Смидович, С. М. Диманштейн и Ф. М. Путинцев. Было принято решение, «поручить т. Тучкову с представителями МК ВКП(б), Админотдела Моссовета и Наркомзема принять меры к переводу существующих религ[иозных] коммун “трезвенников” на советские рельсы». Для реализации этого решения комиссия считала необходимым «дать в общую и антрелиг[иозную] прессу ряд статей, в которых вскрыть религ[иозную] и эконом[ическую] эксплуатацию, существующую в этих коммунах. Принять меры к разложению этих коммун как религиозных организаций путем ввода в них соответ[ствующих] лиц». Знатоку сектантства и «красному профессору» Ф. М. Путинцеву было дано задание, «организовать посылку для ведения пропаганды в коммунах нескольких комсомольцев», а также «провести через адм[инистративные] органы обследование (реви-

³⁹ Текст постановления опубликован: Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. / Составление, вступительная статья и комментарии А. И. Савина. Новосибирск, 2004. С. 217–219.

⁴⁰ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 13.

⁴¹ Там же. Л. 14.

зию) коммун и при обнаружении несоблюдения существ[ующего] Устава о коммунах потребовать его выполнения»⁴².

Колосков и его последователи, несмотря на совершенно недвусмысленные знаки со стороны власти, не желали смириться и заявить вслед за остальными «сектантскими» конфессиями о своем отказе от религиозного пацифизма. 25 апреля 1928 г. Антираионозная комиссия при ЦК ВКП(б) заслушала третьим пунктом повестки сообщение Е. А. Тучкова «О евангелистах-колосковцах» и приняла решение, «ввиду непрекращающейся антивоенной пропаганды колосковцев, а также вызывающего поведения Колоскова, который совсем не желает считаться с законами страны и распоряжениями правительства, поручить ОГПУ принять меры к ликвидации общины колосковцев и высылки Колоскова из Москвы»⁴³. Очевидно, во исполнение этого постановления в конце апреля 1928 г. Колосков был «приглашен» для беседы в ОГПУ. «В один прекрасный день, – писали трезвенники – подкатил автомобиль к квартире нашего руководителя И. Н. Колоскова и забрав его, увез в вышеуказанное учреждение». На Лубянке после допроса чекисты предложили Колоскову подписать от имени общины заявление о признании военной службы. Колосков отказался решать вопрос единолично, пообещав «лишь доложить всей общине о сделанном ему предложении». После обмена мнениями члены общины подали заявление в ОГПУ, в котором писали, что просят «не принуждать их изменять взгляды общины на этот вопрос и в случае невозможности применения к общине параграфа 13 конституции СССР, просим отпустить нашего руководителя И. Н. Колоскова за границу для приискания места для переселения всей общины»⁴⁴.

В конце 1928 г. власти предприняли меры, призванные выбить почву из-под ног строптивых трезвенников: местные районные советы приняли решения о ликвидации двух последних помещений, служивших колосковцам местом собраний. Решение о расторжении договоров на аренду молитвенных помещений было принято Замоскворецким райсоветом 10 декабря и подтверждено 31 декабря 1928 г.: согласно первому решению властей трезвенники должны были очистить помещение по адресу Большая Якиманка, 26 к 15 февраля 1929 г., потом срок ужесточили и перенесли дату на 1 февраля 1929 г. В свою очередь Бауманский райсовет требовал очистить помещение по адресу Почтовая, 28 к 15 января 1929 года⁴⁵.

13 января 1929 г. в Москве прошло общее собрание общины христиан-трезвенников, на котором присутствовало 480 человек членов общины и 125 кандидатов, под председательством И. М. Чудаева. На собрании выступил председатель общины Н. Н. Смирнов, который описал ситуацию с церквями. Собрание приняло решение подать докладную записку во ВЦИК, а копии в разные государственные учреждения, «о всех пережитых притеснениях за религиозные убеждения, как вообще сектантов, а в частности нашей общины». Кроме того, были избраны пять делегатов во главе с Чудаевым И. М. и Захаровой М. Я., которым поручалось подписать записку во ВЦИК и выступать с ходатайствами в правительственные учреждения⁴⁶.

Это решение было выполнено быстро, уже 15 января 1929 г. во ВЦИК была отправлена записка под названием «Рим горит, а христиане виноваты», с многочисленными приложениями, которая и стала формальным основанием для уголовного преследования руководства общины трезвенников⁴⁷. В записке описывалась вся история взаимоотношений большевиков и трезвенников, требования верующих носили острый, неконформистский

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 353. Л. 39. Протокол № 88.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 11. Протокол № 98.

⁴⁴ «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 15.

⁴⁵ Там же. Л. 16–17.

⁴⁶ ЦА ФСБ, Д. Р-32621. Л. 40.

⁴⁷ По своему накалу и степени неконформизма она значительно превзошла программную записку евангельских христиан-трезвенников от 15 мая 1924 г., адресованную в ЦК РКП(б). Пространные выдержки из записки 1924 г. опубликованы. См.: *Нежный А.* Комиссар дьявола. М., 1993. С. 118–130.

характер. Когда речь зашла об отобрании помещений по Большой Якиманке и Почтовой, трезвенники с горечью констатировали: «Итак, круг замыкается: сначала от нас отобраны были все средства к самостоятельному существованию – столовые, мастерские, сельскохозяйственные колонии⁴⁸; потом от нас отобрали дом, наполовину построенный нашими руками, и наконец, нас лишают возможности даже молиться»⁴⁹.

Далее следовало провокационное, с точки зрения большевиков, заявление о ликвидации параграфа 13 Конституции СССР о свободе совести: «С полным сознанием своей моральной ответственности, гражданского мужества мы предлагаем отменить этот злополучный параграф 13 Конституции СССР. С уничтожением его, по крайней мере, мы будем знать, что власть не прикрывается и не вводит в заблуждение трудовой народ, а открыто и официально искореняет религию, преследуя верующих и не обнаруживая при этом трусости перед кем-либо, хотя бы это и возмущало весь остальной культурный мир ... Нас преследуют не за совершенные нами преступления и нарушения законов государства, в котором мы живем, а за нашу веру, за наши убеждения. Религиозный человек сейчас вне закона»⁵⁰.

Завершала записку резкая отповедь: «Вам кажется, что с разрушением церквей и закрытием молитвенных домов сектантов, а также с разгромом сектантских организаций и ссылками религиозных людей в Соловки и другие гиблые места разрушается религия, искореняется вера в людях, но это глубокое заблуждение ... Никогда еще грубое насилие не искореняло в людях потребности в вере и самой веры ... Мы переживаем интересное время, когда церковь отделена от государства и фактически поставлена вне закона, а в то же время учреждается новая религия, новый религиозный культ, который поддерживается и насаждается государственной властью ... современные нам Робеспьеры работают над созданием новой религии ... народ в подавляющей массе своей глубоко религиозен, а власть признает всякую религию контрреволюционной, враждебной государственному строю, ныне существующему в России. Власть, таким образом, опять оторвалась от народа и не видит, чем живет этот народ ... Жизнь руководящей партии и жизнь народа – две несовместимые, ничего общего не имеющие величины, и эта оторванность власти от народа, это непонимание властью нужд и интересов народных создает ненормальные взаимоотношения. С одной стороны – самая грубая и глупая издевка над самым дорогим, что есть для человека – над его святой святых, над его совестью, над его верой, а с другой – затаенная обида или фальшь и притворство. Мы далеки от вражды и ненависти к Советской власти, ибо несмотря на все ненормальности наших взаимоотношений с властью и преследования нас, все наши симпатии на стороне истинно коммунистического строя, для установления которого – мы верим – работает и современная власть. Но мы не можем молча смотреть, когда самое дорогое – права свободного человека и гражданина – свобода совести и вероисповедания – грубо попираются и по величайшему недоразумению религия христианская признана враждебной строительству коммунизма»⁵¹.

⁴⁸ К моменту подачи декларации у трезвенников оставалась только сельскохозяйственная колония близ д. Борзцово Коломенского уезда, которую, как они писали, «по-видимому, ожидает та же участь. Уже дано представители местной власти добиваются до нее». С подачи властей активисты из числа местных жителей приходили на собрания общины, пели там светские песни, курили, без разрешения установили радио, принимали попытку устроить красный уголок. Еще ранее, летом 1927 г. под предлогом нарушения правил регистрации был отнят весь скот, движимое и недвижимое имущество, посеы колонии близ с. Каледино-Коломенского уезда: «Хозяйство трезвенников было с корнем вырвано и разорено, а членам общины, проживавшим в то время там, было предложено немедленно удалиться на все четыре стороны». См. «Рим горит, а христиане виноваты». Л. 15–17. Подробнее о сельскохозяйственных колониях трезвенников см.: *Редькина О. Ю.* Сельскохозяйственные религиозные трудовые кооперативы в 1917–1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград, 2004. С. 657.

⁴⁹ «Рим горит, а христиане виноваты». Л.17.

⁵⁰ Там же. Л. 18.

⁵¹ Там же. Л. 19–21.

В последних строках обращения трезвенники вновь просили дать разрешение выехать из СССР «в какую-либо свободную страну» и напоминали власть имущим о своих общих «коммунистических корнях»: «Просим также, товарищи, не рассматривать настоящее письмо как контрреволюционное выступление, а отнестись к нему как к воплю ... доведенных до отчаяния людей, по-прежнему любящих свою родину, во все времена много-страдальную Россию, которой мы искренне и чистосердечно желаем дальнейшего процветания на поприще строительства новой коммунистической жизни. Мы верим, что и представители современной власти, те, которые гонят нас, тоже хотят блага нашей родине и тоже стремятся к установлению подлинно коммунистического строя жизни. И вот эта вера, эта надежда, что и они – наши гонители – преследуют те же цели, что и мы, дает нам уверенность что мы будем поняты ... что наш вопль будет услышан, наши просьбы будут удовлетворены... Мы ждем... мы надеемся... мы верим...»⁵².

За вторую половину января – начало февраля 1929 г. трезвенники успели еще несколько раз обратиться к высшим органам власти в попытке сохранить институционные основы существования общины. В своей записке в Моссовет от 19 января 1929 г. они заявляли, что «мы не можем рассматривать эти действия райсоветов иначе, как меры грубого насилия над нами, и как акт грубого нарушения наших прав – граждан Советского Союза СР. Ибо община состоит из рабочих и служащих и вообще бедноты». Легитимировать требования трезвенников, с их точки зрения, должна была история помещения по адресу ул. Почтовая, 28 Бауманского района – трезвенники заняли его в 1909 г., переделали «нашими мозолистыми руками» из конюшни в место молитвы, которое дало «возможность тысячам пьяниц сделаться трезвыми членами общества»⁵³. 1 февраля 1929 г. была подана записка в Президиум ЦИК СССР (с приложением записки в Моссовет от 13 января 1929 г.), по сути это был акт отчаяния, так как изъятие помещений было назначено на день подачи записки, т. е. на 1 февраля 1929 года⁵⁴.

Нелицеприятный тон обращений трезвенников не мог не раздражать руководство большевиков. 2 февраля 1929 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б) заслушала пятым пунктом повестки сообщение Е. А. Тучкова «О сектантах-колосковцах»: «Считать, что присланный документ за подписью Смирнова, Захаровой и др[угих], датированный 13 января 1929 г. (прот[окол] общего собрания евангелистов) направлен на дискредитацию советской власти и партии. Поручить ОГПУ выяснить авторов документа и в случае распространения последнего привлечь виновных к ответственности. Не препятствовать выезду за границу сектантам-колосковцам в случае их ходатайства об этом»⁵⁵.

На следующий день, 3 февраля 1929 г., вновь собралось общее собрание трезвенников, на котором было сообщено об отказе Моссовета удовлетворить их ходатайство. В свою очередь члены общины приняли самое что ни на есть «контрреволюционное», с точки зрения власти, решение: «Об умножении копии докладной записки, поданной во ВЦИК и разные учреждения о стеснениях за веру, пережитых общиной ев[ангельских] хр[истиан] трезвенников». Постановление гласило: «Общее собрание решило очень желательным всем членам иметь эти копии как исторический документ, так как в них описаны все тяжелые переживания, опыты стеснений за веру как при царе, так и советской власти, а потому постановило их умножить и разослать их и в другие родные общины»⁵⁶.

⁵² Рим горит, а христиане виноваты». Л. 22. Записка была направлена М. И. Калинину, А. И. Рыкову, П. Г. Смидовичу, А. С. Енукидзе, А. С. Киселеву, В. Р. Менжинскому, М. М. Литвинову, Г. В. Чичерину, А. В. Луначарскому, В. Д. Бонч-Бруевичу, А. А. Сольцу, В. Н. Толмачеву, И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, В. В. Куйбышеву и некоему Рогову.

⁵³ ЦА ФСБ. Д. Р-32 621. Л. 41–42.

⁵⁴ Там же. Л. 40.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 29. Протокол № 108.

⁵⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-32 621. Л. 42. В этот же день трезвенники отправили очередную записку в Президиум ВЦИК.

Факт размножения «антисоветского» письма чрезвычайно заинтересовал чекистов. Именно об этом допрашивалась 23 марта 1929 г. арестованная жена Колоскова Екатерина Андриановна. Она подтвердила, что декларация во ВЦИК предварительно обсуждалась на общем собрании и была зачитана секретарем общины М. Я. Захаровой, но категорически отрицала, что ей известен «инициатор и редактор указанной декларации». Точно также она отказалась сообщить, где и каким способом была размножена декларация. Кроме того, Колоскова оспаривала утверждение чекистов о передаче экземпляра декларации за границу, так как «из среды нашей общины никто из членов никакой связи с границей не имеют»⁵⁷.

От диалога с трезвенниками к репрессиям большевики перешли в марте 1929 г. Аресты лидеров общины были произведены 19, 20 и 22 марта 1929 г. Всего было арестовано девять человек, которые содержались в Бутырской тюрьме. Следствие было проведено в течение двух месяцев. В обвинительном заключении, составленном уполномоченным 6-го отделения СО ОГПУ Жикиным, в вину трезвенникам вменялась антимилицаристская пропаганда, отказ от службы в Красной Армии в любой форме, как с оружием, так и без него. Кроме того, им инкриминировалась организация «группы милосердия», которая производила сбор средств и оказывала материальную помощь арестованным и ссыльным сектантам «как невинно пострадавшим от совласти». Вербовку в секту производили обходом квартир, «доказывая, что секта трезвенников осенена святым духом», поэтому многие члены секты говорят на иных языках – эта черта роднила колосковцев с пятидесятниками. Главным основанием к осуждению послужил факт размножения обращения во ВЦИК⁵⁸. Дело было передано на рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ, которое своим постановлением от 24 мая 1929 г. осудило Иван Митрофанович Чудаева (1899 г. р., трикотажник Замоскворецкого объединения, бывший секретарь общины трезвенников), Василия Никитича Свиричева (1891 г. р., печатник типографии «Красный пролетарий», проповедник общины) и Никифора Васильевича Александрова (1886 г. р., упаковщик на складе Московско-Казанской железной дороги, проповедник общины) к заключению в концлагерь сроком на три года по ст. 58-10 УК РСФСР. Список осужденных продолжили женщины, в основном персонал и руководство трезвеннических вегетарианских столовых «Гигвигстол»: Екатерина Дмитриевна Соколова (1900 г. р., зам. зав. столовой № 2), Екатерина Андриановна Колоскова (1879 г. р., домохозяйка)⁵⁹, Евдокия Михайловна Харитоновна (1896 г. р., зав. столовой № 1), Фекла Савельевна Кузнецова (1900 г. р., повар столовой № 4) и Елена Дмитриевна Федотова (1904 г. р., повар столовой № 2). Их приговорили к трем годам высылки в Среднюю Азию по ст. 58-10 УК РСФСР. Зоя Яковлевна Бельмер (1880 г. р., образование высшее, машинистка канцелярии Московского отдела евангельских христиан) получила самое мягкое наказание – два месяца лишения свободы по ст. 58-10 УК РСФСР⁶⁰.

И. Н. Колосков и его сподвижница, секретарь московской общины евангельских христиан – трезвенников Мария Яковлевна Захарова, которой в 1930 г. исполнился 31 год, избежали ареста, фактически перейдя на нелегальное положение. По-видимому, мысль о жизни за границей в кругу единомышленников не оставляла Колоскова, и он вместе с Захаровой решил бежать из СССР, нелегально перейдя границу. 19 ноября 1929 г. в 18.30 засада пограничников 43-го Билясуварского погранотряда Погранохраны Закавказского округа задержала при попытке перейти советско-персидскую границу, «согласно имевшихся заранее данных, в 100 метрах от черты границы», Колоскова и его спутницу. Во время задержания ни Колосков, ни Захарова не пытались бежать или оказывать сопротив-

⁵⁷ Там же. Л. 111.

⁵⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-32 621. Л. 129–129 об.

⁵⁹ Вторичным постановлением Особого совещания от 7 марта 1932 г. срок высылки Е. А. Колосковой был продлен еще на три года. 15 июня 1932 г. аналогичное решение было принято в отношении Е. М. Харитоновой с лишением права проживания в 12-ти пунктах Уральской области.

⁶⁰ ЦА ФСБ. Д. Р-32 621. Л. 130, 146–149, 154–156. Все обвиняемые по делу были реабилитированы в 1967 г., дело пересматривалось по заявлению Е. Д. Федотовой, проживавшей на то время во Владимире.

ление. У Колоскова при обыске было найдено два рубля совзнаками, у Захаровой – 84 доллара и двадцать восемь золотых царских пятирублевиков (деньги общины и личные сбережения Колоскова), а также переписка московской общины трезвенников, в том числе письмо во ВЦИК от 15 января 1929 года⁶¹. На допросе задержанные не скрывали свою принадлежность к общине трезвенников, более того, заявили, что община была закрыта властями 19 марта 1929 г. по неизвестным причинам, часть ее членов была арестована, такая же участь ожидала Колоскова и Захарову, и последние были вынуждены перейти на нелегальное положение. Границу переходили с целью перебраться во Францию, где некая Люси, сотрудница Лиги наций, обещала им материальную поддержку.

Как Колосков, так и Захарова отказывались от дачи показаний в той части, которая больше всего интересовала чекистов: кто оказывал им помощь в их попытке бежать из СССР. Колосков без экивоков объяснял «недачу подробности в показаниях» тем, что «не хочет сделать зла тем людям, которые ему сделали добро»⁶².

После задержания для Колоскова и Захаровой начались «хождения по мукам». 26 ноября 1929 г. как «личности подозрительные, скрывавшиеся от ожидаемого их ареста» они были направлены в распоряжение КРО ГПУ Азербайджана. В начале января 1930 г. Колосков и Захарова были уже в Москве, в Бутырской тюрьме, их делом занималось 6-е (церковное) отделение СО ОГПУ, непосредственно вел дело оперуполномоченный В. Т. Быстров. Колосков дал показания о том, что являлся инициатором написания записки «Рим горит, а христиане виноваты», а также размножил ее на шапирографе и печатной машинке и разослал во все правительственные учреждения и сектантские объединения, но категорически отрицал рассылку записки по иностранным диппредставительствам⁶³. Уже 3 февраля 1930 г. было подготовлено обвинение в отношении Колоскова и Захаровой. Колоскову вменялись преступления по статьям 58-10 и 84 УК РСФСР, Захаровой – 58-10 УК РСФСР. В частности, в обвинительном заключении говорилось: «под флагом религии вели систематическую агитацию против Красной Армии и нелегально издали и распространяли в сотнях экземпляров под названием “докладной записки”, украсив последнюю лозунгом “Рим горит, а христиане виноваты”, где положение религии в СССР сравнивается с гонениями на религию при римском императоре Нероне и Валериане, что верующие подвергаются суровому насилию и преследованию со стороны власти в центре и на местах. Этой докладной запиской снабдили иностранные посольства для антисоветской кампании. 19.III.-29 г. во время операции ОГПУ а[нти]с[оветской] группировки “трезвенников” Колосков И. Н. и Захарова М. Я., чувствуя за собой вину, скрылись от соввласти и перешли на нелегальное положение, откуда 19/XI-29 г. сделали попытку перейти в Закавказье нелегально границу, где и были задержаны. [...] свою виновность не отрицают за исключением передачи докладной записки в иностранное посольство»⁶⁴.

Следствие было закончено в начале февраля 1930 г., Колосков и Захарова были «перечислены содержанием под стражей за Коллегией ОГПУ», но допросы тем не менее продолжались. Как держал себя Колосков в ходе следствия, показывает лаконичный протокол допроса от 17 апреля 1930 г.: «Вновь категорически отказываюсь дать какие-либо показания о моей нелегальной деятельности, лицах, меня окружавших и способствовавших попытке перебраться за границу»⁶⁵.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 мая 1930 г. Колосков был осужден к заключению в политизолятор сроком на 10 лет, Захарова – сроком на 5 лет⁶⁶. Сохранились докладная записка за подписью исполняющей обязанности начальника СО ОГПУ

⁶¹ ЦА ФСБ. Д. Р-44 885. Л. 20–21.

⁶² ЦА ФСБ. Д. Р-44 885. Л. 20–21.

⁶³ Там же. Л. 43–43 об.

⁶⁴ Там же. Л. 51–51 об.

⁶⁵ Там же. Л. 57.

⁶⁶ Там же. Л. 59.

А. А. Андреевой и начальника 6-го (церковного) отделения СО ОГПУ И. В. Полянского⁶⁷ (от 15 или 25 мая 1930 г.) с категорическим протестом против пересмотра дела Колоскова, а также заключение за подписью секретаря Коллегии ОГПУ от 19 июня 1930 г. «о нежелательности удовлетворения ходатайства об изменении Колоскову меры социальной защиты»⁶⁸. Кто был автором ходатайства – сам Колосков или кто-то еще, остается неясным. В докладной записке чекистов упоминается «переписка ЦИК СССР по делу И. Н. Колоскова», возможно за вожака трезвенников пытался заступиться кто-то из сторонников «сектантской утопии» среди большевиков, Смидович, Бонч-Бруевич или кто-то еще.

О дальнейшей судьбе Ивана Колоскова его родственники и потомки узнали благодаря М. Я. Захаровой. Их вместе отправили в Ярославский политизолятор и поместили в камеры по соседству. В 1932 г. Колоскову запретили переписку с женой и сыновьями, а также свидания. В ответ Колосков объявил голодовку. Судя по свидетельству М. Я. Захаровой, администрация тюрьмы предприняла меры с целью воздействовать на строптивого зека (обливание холодной водой из брандспойта, посадка в карцер), которые серьезно ухудшили состояние Колоскова и ускорили его смерть⁶⁹. На выписке из протокола заседания Коллегии ОГПУ от 8 мая 1930 г., хранящейся в архивно-следственном деле Колоскова, поверх его фамилии написано от руки черными чернилами «Помер». В ходе реабилитации органы власти безуспешно пытались выяснить обстоятельства и место смерти лидера русских трезвенников. Что касается Захаровой, то решением ОСО при НКВД СССР от 17 ноября 1934 г. по отбытии срока наказания она была выслана в Казахстан сроком на два года. Очевидно ни Колосков, ни Захарова не знали, что по иронии судьбы, начиная с сентября 1929 г., в Ярославском политизоляторе вместе с ними отбывал трехлетний срок заключения основатель трезвеннического движения И. А. Чуриков. В 1932 г. решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ срок заключения был продлен Чурикову еще на три года, и Иван Алексеевич умер в Ярославском политизоляторе 5 сентября 1933 г., ненадолго пережив своего ученика и последователя⁷⁰.

Дмитрий Философов писал в 1912 г. о том, что русский народ существует вне политической жизни, он весь в религии, и называл «братцев Иванушек» – Ивана Чурикова и Ивана Колоскова, баптистов, хлыстов и штундистов «истинными политическими партиями народа»⁷¹. Трагическая судьба Колоскова и разгром трезвеннического движения не должны удивлять: власть большевиков, подобно легендарному царю Мидасу, который все превращал своим прикосновением в золото, придавала политический характер всему окружающему. Трезвенничество, с его морально-этическим кодексом, религиозной мотивацией, пацифизмом и вегетарианством, неизбежно должно было оказаться в рядах идеоло-

⁶⁷ Полянский Иван Васильевич (1898–1956), сотрудник органов государственной безопасности, советский и партийный деятель. Член РКП(б) с 1918 г. На февраль 1922 г. нач. отдела Уфимской губЧК, впоследствии работал во Всебашкирском облотделе ГПУ и ПП ОГПУ по ДВО. С января 1926 г. начальник СОЧ и заместитель начальника Бурят-Монгольского облотдела ПП ОГПУ Сибкрая. В июле 1926 г. откомандирован в ПП ОГПУ по Московской обл. С 1926 г. – помощник начальника, с 1930 г. начальник 6-го отделения СО ОГПУ СССР. В 1929 г. короткое время занимал пост секретаря Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б). С 1 апреля 1933 г. начальник 3-го (церковного) отделения СПО ОГПУ–НКВД СССР. В марте 1932 г. введен в состав Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ВЦИК в качестве замены выбывшего Е.А. Тучкова. С 1934 г. — член Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ЦИК СССР. С 1935 г. работал в УНКВД по Ленинградской обл., с февраля 1938 г. – заместитель начальника Оперода УНКВД по Ленинградской обл. В 1942–1944 гг. – начальник Транспортного отдела НКВД–НКГБ Октябрьской железной дороги, с 1944 г. – начальник отдела 2-го управления НКГБ СССР. Полковник ГБ (1944). Уволен из МГБ на пенсию в 1948 г. В 1944–1956 гг. – председатель Совета по делам религиозных культов при СНК (Совете Министров) СССР. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, «Знак Почета», знаком «Почетный работник ВЧК–ОГПУ».

⁶⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-44 885. Л. 55-56.

⁶⁹ Франчук В. И. Просила Россия дождя у господ... С. 209–210.

⁷⁰ Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатова А. Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России... С. 251.

⁷¹ Философов Д. В. Неугасимая лампада. Статьи по церковным и религиозным вопросам... С. 14.

гических противников новых властителей России, а «человек-партия» Иван Колосков – закончить жизнь с клеймом «врага народа».

Список литературы

- Апостол трезвости: Иоанн Алексеевич Чуриков / Сост. Комков М. П., Плотникова В. В. СПб.: Алетейя, 2014. 239 с.
- Зарембо Н. Г. Духовные власти Санкт-Петербурга и народное трезвенническое движение чуриковцев (1907–1914 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 126. СПб., 2010. С. 30–35.
- Громогласов И. М. Московские трезвенники. Речь, произнесенная в Москве 6 мая в Политехническом музее в открытом собрании Союза 17 октября. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1913. 18 с.
- Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатова А. Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). СПб: изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. 308 с.
- Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник / Под ред. А. Н. Яковлева. Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2003. 768 с.
- Малая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 8. 990 ст.
- Нежный А. Комиссар дьявола. М.: Протестант, 1993. 271 с.
- Müller, Eberhard: Opportunismus oder Utopie? V. D. Bonc-Bruevitsch und die russischen Sekten vor und nach der Revolution. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 35 (1987). S. 509–533.
- Павлова Т. А. Исторические судьбы российского пацифизма // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 28–42.
- Путинцев Ф. М. Политическая роль и тактика сект. М., 1935. 480 с.
- Редькина О. Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые кооперативы в 1917–1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград, 2004. 708 с.
- Савин А. И. «Разделяй и властвуй». Религиозная политика советского государства и евангельские церкви в 1920-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008. № 15 (75). С. 3–23.
- Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. / Сост., вступительная статья и комментарии А. И. Савина. Новосибирск: Посох, 2004. 427 с.
- Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М.: Время, 2014. Т. 1. 660 с.
- Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ 1917–1926 / Сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. 872 с.
- Философов Д. В. Неугасимая лампада. Статьи по церковным и религиозным вопросам. М., 1912. 204 с.
- Франчук В. И. Просила Россия дождя у господ. Киев, 2002. Т. 2. 652 с.
- Эткинд А. Русские секты и советский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича. // Минувшее. Исторический альманах. М-СПб. 1996. Т. 19. С. 275–319.
- Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М. 1998. 688 с.

*A. I. Savin**

“Rome is burning and Christians are to blame”: Life and Destiny of Teetotaler Ivan Koloskov

The article focuses on Ivan Koloskov (1876–1932), one of the founders and leaders of temperance movement in Russia. Most significant sources for this article were investigation files of the teetotalers, mainly their “letters to authorities” in 1920s. Here the biography of I. N. Koloskov is viewed in broad historical context, and the main focus is on Bolshevik’s anti-religious policy concerning so-called “cultists”. The article also considers religious pacifism, vegetarianism and economic activity of teetotalers, as well as their recusancy when dealing with the government.

Keywords: Ivan Koloskov, teetotaler, Russian Empire, Soviet Union, JSPD, recusancy, repression

Статья поступила в редакцию 5.07.2018

*Savin Andrey I. – Candidate of Sciences (History), senior researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: a_savin_2004@mail.ru